

¹² *Соболев Э. А.* Из династии Синяевых // За трудовую доблесть. 2006. 8 дек.

¹³ Комсомольцы Синяевы : рукопись неизвестного автора // Архив семьи.

¹⁴ Награды Родины ...

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 60. Д. 5188.

¹⁶ Комсомольцы Синяевы ...

¹⁷ Награды Родины ...

¹⁸ Комсомольцы Синяевы ...

¹⁹ *Устьянцев С.* Челябинский тракторный завод. Екатеринбург, 2008. С. 137.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 71. Д. 3729.

²¹ *Соболев Э. А.* Указ. соч.

*Е. А. Каймакова*¹

Книга «Brief an Klaudia» («Письма к Клавдии») как дополнение к биографии разведчика Альберта Хёсслера

В нашем школьном музее «Наследие» основу фондов составляет архив литературного объединения Челябинского тракторного завода (ЛИТО ЧТЗ), который был передан в 2003 г. его руководителем Е. Г. Ховивом. Так наша школа стала обладателем ценных, а порою уникальных экспонатов. К таким можно отнести книгу, которая заинтересовала меня. Во-первых, она написана на немецком языке. Во-вторых, она представляет собой письма, написанные любящим мужем своей жене в условиях начавшей Великой Отечественной войны. В-третьих, эти письма написаны антифашистом, разведчиком, участником подпольной организации «Красная капелла» Альбертом Хёсслером — человеком, имя которого увековечено в Челябинске памятной доской.

Книга «Brief an Klaudia» («Письма к Клавдии») имеет стандартные размеры: ширина 18,2 см, высота 20 см. Издана в г. Бургштедт (Германия, земля Саксония) в 1976 г., насчитывает 87 страниц. Книга издана на мелованной бумаге, весь текст в ней на немецком языке. Основную часть книги составляют 11 писем А. Хёсслера его жене — К. С. Рубцовой. Первое письмо датируется 20 августа 1941 г., последнее — 29 июля 1942 г. В нашем школьном музее хранятся тексты писем, переведенные на русский язык, предположительно, М. М. Клайном, через которого осуществлялся перевод различных текстов и писем². Так, первые шесть писем имеют профессиональный перевод на русский язык, остальные нами были переведены с помощью электронного переводчика, затем перевод уточнен с преподавателем немецкого языка. Четыре письма были написаны в 1941 г., семь писем относятся к 1942 г. В среднем Альберт писал жене один раз в месяц.

Обратившись к документам нашего школьного музея и к литературе по данному вопросу, мы установили историю появления данной книги. В 1970-е гг. руководитель ЛИТО ЧТЗ Е. Г. Ховив начал соби-

рать материал о немецком антифашисте А. Хёсслере. Он стал автором книги «Встретимся в Берлине»³, а также сценаристом и режиссером одноименного документального фильма. Для съемок делегация челябинцев побывала в 1974 г. на родине А. Хёсслера. В ходе этой поездки К. С. Рубцова передала письма Альберта его младшему брату Вернеру Хёсслеру. Письма были изданы в ГДР отдельной книгой, предисловие к ней написал известный немецкий писатель Герман-Гейнц Вилле. М. М. Клайн вспоминал, что в ходе поездки съемочная группа встретила с оставшимися в живых антифашистами, знавшими А. Хёсслера: Паулем Гофманом, Гертрудой и Отто Шрайберами, Генрихом Шеелем, Герхардом Курцером. Это обогатило фильм⁴.

Годы жизни А. Хёсслера в разных источниках не совпадают. В энциклопедии «Челябинск» — 1911 г.⁵, но в большинстве других источников указывается 1910 г.⁶ Место рождения — г. Бургштедт, округ Саксония, Германия. По окончании школы он состоял в учениках на красильной фабрике. Рано примкнул к коммунистическому движению, в 1929 г. вступил в Компартию Германии. За пропаганду среди рабочих был арестован гестапо, сидел в тюрьме, затем ему пришлось эмигрировать в Чехословакию. В 1935 г. он окончил двухгодичную партийную школу в СССР. В 1937–1938 гг. сражался в Испании на стороне республиканцев, был политкомиссаром и командиром роты. В 1939 г. с интербригадовцами прибыл в Челябинск для долечивания после ранения, полученного в Испании. Работал на ЧТЗ переводчиком (1939–1941)⁷.

В Челябинске А. Хёсслер встретил свою любовь — Клавдию Рубцову. Клавдия Семеновна родилась 22 января 1909 г. в Челябинске. По образованию она врач-эндокринолог, майор медслужбы, участница Великой Отечественной войны и Советско-японской войны. Клавдия происходила из семьи рабочего железнодорожного депо. В 1932 г. окончила лечебно-профилактический факультет Пермского медицинского института, после чего была направлена в Челябинск. С 1939 г. заведовала терапевтическим отделением диспансера ЧТЗ, в 1940 г. поехала учиться в аспирантуру Института экспериментальной эндокринологии и химии гормонов (Москва).

В 1941 г. Рубцова и Хёсслер поженились, но их счастье было коротким — сначала Клавдия уехала в Москву учиться, затем началась Великая Отечественная война, и Альберта вызвали в Москву в разведшколу. Находясь в одно и то же время в столице, они, однако, встречаться могли лишь изредка. Клавдия Семеновна вспоминала день 22 июня 1941 г. как «крушение всех надежд». После 3 июля 1941 г. она отнесла в райвоенкомат заявление о добровольном вступлении в армию. Позже вспоминала: «Не могла я сидеть над подопытными мышками. Все до этого такое интересное, захватывающее вдруг потеряло смысл»⁸.

Альберт Хёсслер еще в марте 1941 г. окончил спецшколу радистов в Москве, а 27 июня был призван в Красную армию. Клавдия Семеновна вспоминала, как Альберт отнесся к ее решению: «Он понимал меня отлично, только глаза его стали еще печальнее»⁹. К. С. Рубцова была распределена на Дальневосточный фронт: «В конце июля я простилась с Альбертом, чтобы никогда его более не встретить»¹⁰. С момента мобилизации К. С. Рубцова служила на Дальнем Востоке,

во время Советско-японской войны участвовала в боевых действиях против Квантунской армии. После войны вернулась в Челябинск, в родную больницу, где проработала до осени 1978 г. — в общей сложности 39 лет с перерывами на учебу и войну. Умерла Клавдия Семеновна 5 мая 1980 г.

В 1941 г. в ходе обучения Альберт получил код «Франц» и документы на имя Хельмута Вагнера (по другим источникам, Г. Вигнера), ефрейтора артиллерии вермахта. В ночь на 5 августа 1942 г. его перебросили за линию фронта¹¹. В одном из изданий указывается, что его перебросили в начале 1942 г.¹² Это можно опровергнуть с помощью писем, которые получала К. С. Рубцова от мужа. Последнее письмо из Москвы Альберт отправил 29 июля 1942 г.¹³

Под видом солдата-отпускника он добрался до Берлина и в середине августа соединился с группой «Старшина», входившей в антифашистскую организацию «Красная капелла». В одном из исследований Хёсслера называют уполномоченным Центрального комитета Компартии Германии¹⁴. В середине сентября Хёсслер установил связь с Москвой, но гестапо выследило группу, и «Франц» был схвачен. Рассчитывая предупредить Центр о провале, Хёсслер дал немцам согласие включиться в радиоигру с Москвой. Однако сигнал тревоги, заранее согласованный с Центром, советские радисты приняли за сбой. Не подозревая о провале, Центр сообщил явки хорошо законспирированных агентов, которые были тут же схвачены гестапо. В конце октября Хёсслер, убедившись, что его сигнал не принят, отказался участвовать в радиоигре и был казнен. По одним данным, в 1942 г.¹⁵, по другим — в январе 1943 г.¹⁶ Имя Гельмута Вигнера не было найдено в «растрельных» списках, поэтому точный день его смерти не установлен. Известно лишь, что его жестоко пытали. Посмертно А. Хёсслер был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (1969).

В ходе анализа содержания писем мною была составлена таблица для выделения главной информации: дата и место отправки письма; упоминаемые события; упоминаемые имена; суждения о действиях германской армии; суждения о действиях РККА; вопросы службы и специальной подготовки; эмоциональный настрой; личные отношения с Клавдией; отношения с ее семьей, друзьями и знакомыми. Поэтапно рассмотрим их.

Как отмечалось ранее, письма Альберта Клавдии писались в среднем по одному в месяц. Хотя, как следует из вопросов, содержащихся в письмах, есть вероятность, что некоторые письма не дошли до адресата.

В письмах упоминаются различные события как военного времени, так и прошлого. В письме от 2 февраля 1942 г. упоминается выступление противников Первой мировой войны. Про VII Конгресс Коминтерна Альберт упоминает в связи с выступлением Г. Димитрова об ответственности коммунистов всех стран за то, что в них происходит¹⁷. Очень часто автор вспоминает о войне в Испании, в которой он принимал участие, приводит выражение, которое там имело популярность: «Если ты не идешь на фронт, то фронт придет к тебе»¹⁸. В письмах называются также текущие военные события: захват металлургических комбинатов Кривого Рога, верфей Николаева, выставка сбитых не-

мецких самолетов в Москве, эвакуация населения из Москвы, оборона столицы, захват Крыма, блокада Ленинграда, обсуждаются события на Дальнем Востоке, где в ожидании находятся войска, при этом Хёсслер называет Японию «злым соседом». В предпоследнем письме, написанном в июне 1942 г., Хёсслер пишет об открытии второго фронта и о письме английских рабочих жителям блокадного Ленинграда.

В письмах Хёсслера упомянуто много различных имен. Речь идет об известных мыслителях XIX в. — К. Марксе, Гегеле и Фейербахе. Но прежде всего это касается известных деятелей коммунистического движения в Европе: Г. Димитров, Долорес Ибаррури (Пассионария), Хосе Диас, Анна Паукер, Эрнст Тельман, упоминаются и некие Рейтнич и Кёбес, «храбрые матросы осени 1917 года»¹⁹. Высокую оценку дает Хёсслер Дзержинскому, который, по его мнению, сочетал жесткость и милосердие.

Альберт Хёсслер был большим знатоком литературы, что и сблизило в Челябинске его с Клавдией. В письмах упоминаются писатели и поэты И. Беккер, Э. Вайнерт, Ф. Фрейлиграт, И.-В. Гете, Э. Потье, Гомер, М. Нексё, Ш. Алейхем. Из русских писателей названы В. В. Маяковский, Н. А. Некрасов, А. М. Горький, И. С. Тургенев и их произведения. Встречается упоминание исторических персонажей — И. Сусанина, А. В. Суворова. Во времена, когда шла война, не уходит автор и от имени А. Гитлера. Часто упоминает А. Хёсслер мать К. С. Рубцовой и сестру Нюсю, а также имена своих знакомых Рихарда и Германа, с ними он вместе обучался в Москве, Гертруду — жену Германа, которая оставалась в Челябинске и заменила мужа на рабочем месте на ЧТЗ, а также оставшихся на ЧТЗ Игнаца и Паулу.

Интерес представляют суждения А. Хёсслера, немца по национальности, о действиях германской армии. Он называет соотечественников «бандитами», «жалкими бандитами», «вшивой бандой, занявшей Киев», «вандалами», «фашистской бестией», сокрушается по поводу их быстрого продвижения по территории СССР, но надеется на лучшее: «...я думаю, что время серьезных наступлений фашистско-немецкой военщины скоро минует»²⁰. В письме от 26 сентября 1941 г. Хёсслер пишет о солдатах вермахта: «...мечтали заслужить железные кресты, получают один — деревянный, который еще придется делить со многими другими». В этом же письме он сообщает о том, «немецкие фашисты, чтобы скрыть потери, на массовой могиле ставят только один крест, с одним именем». Критикует он и лётные кадры Германии, пишет, что они «уже обессилены, так как в бой они посылают уже 18–19 летних юнцов. Эта молодежь, насколько я знаю, продала себя Гитлеру с кожей и волосами, но их боеспособность, конечно, намного слабее, чем у старых испытанных летчиков. Авиация в настоящей войне играет большую роль»²¹.

В письме от 26 сентября 1941 г. он описывает факт, приведший его в ужас:

У одного погибшего немца было найдено 100 золотых зубов и искусственных протезов. Из переписки, которую вел этот «герой» со своим другом, одним зубным врачом, в Берлине, стало известно, что оба развернули большое дело. Наш «герой» выбивал украинцам

зубы и пересылал их в Берлин. Там они обрабатывались по сходным цехам. «Дело» процветало, и оба мерзавца заработали кучу денег.

В письме от 30 ноября 1941 г. Хёсслер пишет о своих чувствах к фашистам:

Ярость обуревают меня, когда я думаю о том, что уничтожили эти преступники. И не только у нас, а во всех оккупированных странах и в самом немецком народе.

А. Хёсслер указывает также источники информации о деятельности германских войск — советские газеты, сведения, полученные в спецшколе, а также от друзей, которые работали в лагерях военнопленных. В одном из писем в январе 1942 г. он пишет:

Настроение и положение по ту сторону заставляют надеяться на лучшее. Коричневый туман постепенно рассеивается перед глазами масс, и чем сильнее бьется наша Красная Армия, тем быстрее идет этот процесс по ту сторону²².

Через месяц Хёсслер добавляет: «Уже в настоящее время есть признаки, что для Германии все это будет глубоким концом». Объяснял он это сообщениями о дезертирах из немецкой армии, сведениями о том, что есть случаи, когда немецкие солдаты расстреливают офицеров, считая это не персональным актом мести, а «сознательным политическим действием»²³. Приводит и другие факты: сопротивление 66 солдат под Сухиничем, расстрел в Эссене 13 солдат, не желающих ехать на фронт, дезертирство немецких солдат из Болгарии и Турции в то время, когда они узнали, что их должны отправить в Крым, и другие примеры. Сомнения в успехе германской армии породила и речь Гитлера 30 января 1942 г., в которой он сказал: «Чем закончится этот год, я не знаю»²⁴. В другом письме Хёсслер высмеивает желание Гитлера получить больше полномочий: «Как будто у него их нет!»²⁵

Как человек образованный, Хёсслер больше всего сокрушается об уничтожении городов, зданий в Лондоне, Любеке, Росток, Киеве и других городах. Он даже выказывает радость в связи с ответными бомбардировками немецких городов: «Я рад каждой бомбе, обрушившейся на города Германии. Народу нужно осознать, что молниеносный победитель Адольф даже не в состоянии защитить немецкие города, не говоря уже о том, чтобы выиграть войну»²⁶.

Совсем иные суждения и описания посвящены в письмах действиям Красной армии. «Ничего не сможет изменить того, что окончательная победа над фашизмом будет нами обеспечена», — писал Хёсслер в августе 1941 г. Описывая ситуацию начала войны, он связывает отсутствие в Москве сигналов тревоги в течение трех суток с «блестящей обороной»²⁷. В сентябре в связи с продвижением германских войск к столице он рассуждает о том, что может помочь в этих условиях: «...сила нашего оружия, сила нашей организованности и энтузиазма должны решать ход событий развития»²⁸. 30 ноября 1941 г. Альберт сокрушается о том, что никогда не мог подумать, чтобы «фашистские

орды взяли нашу любимую Москву, наш прекрасный Крым и так рвались к городу Ленина. Мы недооценивали фашистскую бестию и их военную машину». Но в том же письме он пишет о вере в победу: «Победа будет нашей, в этом я не сомневаюсь, и их временные успехи не помогут им в этом»²⁹.

После того как фашисты были отброшены от столицы, в начале января 1942 г. письма Хёсслера становятся оптимистичными: «Наша победоносная Красная Армия, мудрый и осмотрительный Сталин показали фашистам почем “фунт масла”, как у нас говорят». А. Хёсслер радуется «большой победе под Москвой, Ленинградом, под Ростовом, успешной высадке в Крыму, взятию Керчи и Феодосии»³⁰. «Чем больше бьет Красная армия, тем быстрее погонит немецкую армию, а также быстрее прояснятся головы, одурманенные фашистской пропагандой», — пишет Хёсслер Клавдии в феврале 1942 г. В мае того же года он восхищается «неслыханной стойкостью, упорством советских народов», что подтверждает «глубокий смысл слов сталинского майского приказа: “Мы можем и сделаем 42-й год годом полного уничтожения фашистской военной машины”». Для нас ясно, что если товарищ Сталин так говорит, то он знает, что этот год принесет нам победу, после того как в 41 году мы уже выиграли войну политически»³¹. Обращаясь к Клавдии, Альберт подчеркивает важность победы на западе — тогда и у Клавдии на востоке тоже будет покой. В письме от 16 июня 1942 г. Хёсслер рассуждает об открытии второго фронта и высказывает уверенность, что это случится, тем более что все чаще выражается поддержка со стороны рабочего класса в странах-союзницах.

Подробности своей службы А. Хёсслер описывал нечасто. Это и понятно, так как его и товарищей готовили к переброске за линию фронта. Тем не менее некоторые детали упомянуты в письмах. Естественно, письма подвергались проверке: «...стараюсь писать отчетливо для тебя и для цензуры». Сложно было выкраивать время для писем: «...пытался писать тебе и, как правило, мне мешали тревога, или приказы, или другие служебные или общественные дела». Иногда появлялась информация о местонахождении: «...находимся в лагере, хотя срок нашего обучения давно уже кончился»³². По письмам понятно, что группа Альберта не раз меняла местоположение (Москва, подмосковный лагерь, Уфа): «С переменной адреса я перешел также на новую работу. Поэтому я не мог писать. Ты знаешь, враг подслушивает, и каждое неосторожное слово может ему в чем-либо помочь»³³. В одном из источников указывается Рязань, хотя в письмах этот город не упоминается. Только в марте 1942 г. Хёсслер указывает точный адрес нахождения: «Москва, Каланчевская улица, 19-а, корпус III, квартира 24, комната 6»³⁴. В письме от 30 ноября 1941 г. Альберт сетует на то, что не может, как Клавдия, вести дневник — запрещено. В этом же письме он сообщает, что их перевели «на зимние квартиры», вызвали к комиссару бригады и после беседы и расспросов велели «снять форму, которой мы очень гордились» и дальше проходить службу там же, но уже в штатской одежде. Хёсслер называет это учреждение «спецшколой»³⁵. Там был строгий распорядок дня, Альберт иногда пишет про дежурных и отбой, который прерывает написание письма. Вместе с тем А. Хёсслер рассказывает об эпизоде в метро, когда его попросили предъявить до-

кументы и были удивлены, что он немец из Германии. Это было в мае 1942 г., и немцы могли свободно передвигаться по городу³⁶.

Хёсслер сообщает, что в перерывах и дни отдыха он помогает «русским и испанским товарищам в изучении немецкого языка».

Это стоит для меня много времени. Число моих учеников между тем увеличилось до 30 человек. Большею частью им нужна индивидуальная помощь, так как уровень знаний у них различный. Это затрудняет мою работу. Я ничего не успеваю толком сделать, и ты страдаешь от этого, так как времени для писем у меня не остается совсем³⁷.

Иногда Хёсслер конкретизирует виды занятий во время нахождения в лагере: «...маршируем, стреляем, колем, быстро и хорошо готовимся к фронту, хотя нам все это надоело уже по горло». Надоело, так как они мечтали поскорее приносить пользу: «хочется на фронт и бить фашистов; по-большевистски “поговорить с ними”»; «меня и моих товарищей воодушевляет горячая воля, только бы скорее на фронт, только скорее бы на врага, только бы скорее самому помочь уничтожить это позорное пятно человечества, это позорное пятно особенно для немецкого народа»³⁸. Желание скорее попасть на фронт прослеживается почти в каждом письме. В январе он с радостью сообщает любимой, что им наконец сообщили о том, что они должны быть готовы. Но этого не случилось до августа 1942 г.

Вместе с тем в письмах есть упоминания о досуге, который не часто, но случался: «Вчера я слушал вальс и многое другое, “выезд” из Ивана Сусанина, а недавно “Чайку” песню»³⁹. Хёсслер имел возможность много читать, изучал философию, историю партии, читал художественную литературу. Радует его и возможности «без разбора посещать кинотеатры, театры, концерты»⁴⁰.

Рассмотрим вопрос о том, каков был эмоциональный настрой А. Хёсслера, как это отражено в письмах. Во многих текстах отражено глубокое страдание за действия его соотечественников: «Я очень страдаю от нападения фашистов, потому что я, как немец, за каждое их преступление чувствую себя ответственным»⁴¹. «Каждое известие об оккупированном городе, о земле, которую оставляют наши войска, вонзается мне в сердце, как острый нож, и в моих ушах звучат крики замученных мужчин, изнасилованных женщин и девушек, так как я их слышал в немецкой тюрьме в 1933 году»⁴². Эпизод с выбиванием зубов у убитых украинцев так сильно потряс его, что он называет его «варварством» и предполагает, что «в третьем поколении, после нас, никто не поверит, что возможны были подобные вещи»⁴³. В августе 1941 г. на выставке сбитых немецких самолетов в Москве он был рад каждой сбитой машине. Он винит себя за то, что они, немецкие коммунисты, не смогли в свое время покончить с фашизмом⁴⁴. Часто в письмах он пишет о готовности к самопожертвованию: «И здесь можно и нужно не пощадить свою жизнь»⁴⁵.

Переживает за то, что огромное расстояние разделяет его с любимой. Часто пишет о тоске, о том, как скучает. В июне 1942 г. одно из писем любимой вернуло Альберта в пережитое и пообещало в будущем

еще столько хорошего и прекрасного, что он «на все время погрузился в слезы». Писал Альберт и о своем жизнелюбии, о том, как любит быть веселым, шутить. Но во время войны главным считает борьбу и выполнение долга. Хёсслер испытывал и чувство стыда, оно переполняло его в ноябре 1941 г. во время эвакуации спецшколы из Москвы в Уфу; они с товарищами чувствовали себя беглецами, и это чувство «жгло» их как огонь⁴⁶. В одном из писем он уверяет Клавдию в том, что победа в войне их не разлучит, если только не гибель кого-то из них. Страдает, что Клавдия переживает из-за этого. Большие переживания для Альберта были связаны с информацией о его семье. Его братья были мобилизованы в германскую армию, и он внимательно следил за именами пленных, в надежде на то что они перешли на сторону Красной армии. Хёсслер с болью писал о соотечественниках: «Сегодня массы, ослепленные совершенно неопикуемой агитацией и пропагандой, еще не видят, что <...> катастрофа обрушилась на немецкий народ»⁴⁷. Мечты о победе, о «возможности заняться прекрасными вещами» вдохновляли его. Эмоциональной настрой поднимала и поэзия. Ближе всего Альберту были «боевые стихи», одно из таких он приводит в письме⁴⁸.

В каждом письме говорится о личных отношениях с любимой. Неизменно нежное обращение к жене прослеживается в начале и в конце каждого письма. Огромную радость Альберту доставляли полученные от Клавдии письма, открытки, телеграммы. Видно, что письма и присланные фотографии приносили много радости Хёсслеру. В каждом письме он интересуется здоровьем, настроением, условиями службы любимой: «Как ты живешь? Здорова ли ты? Довольна ли своей работой? Каково твоё окружение? Есть ли у тебя возможность совершенствовать свою профессию? Как с твоими хирургическими знаниями? В настоящее время это очень важно. Аккуратно ли ты ведешь свой дневник? Думаешь ли ты хоть немного обо мне? Или у тебя для этого нет времени?», — пишет Хёсслер. После этого Клавдия отправляет ему сразу два письма и там оказывается ее фотография. Его это повергло в приятный шок, он был рад что «товарищ капитан», как называл ее Альберт, стала полнее, а значит, здоровее и выглядела невероятно мило. Тем самым Клавдия исполнила его желание. Он хочет отплатить Клавдии «множеством поцелуев и, возможно, сыном»⁴⁹.

Альберт часто обращается к воспоминаниям о совместной жизни в Челябинске и в Москве: «Все же мы пережили чудесные дни нашего короткого супружества». И верит в прекрасное будущее: «...потом через Берлин, Прагу вернусь к тебе»⁵⁰. Иногда пишет и о возможной гибели: «Ясно одно, что ты прежде станешь вдовой героя, чем труса». В последнем письме, накануне отправки на задание, он написал: «Я люблю тебя сегодня больше, чем когда-либо»⁵¹.

В большинстве писем встречается упоминание о близких Клавдии Рубцовой — о ее матери и сестре Нюсе. Хёсслер помогал им деньгами, делая переводы из Москвы, а также переписывался с ними и передавал приветы через друзей, оставшихся в Челябинске. Семья Клавдии стала для него родной. Но увидеться с ними ему больше никогда не придется.

Примечания

¹ Научный руководитель — Марина Сергеевна Салмина, учитель истории школы № 59 г. Челябинска.

² *Клайн М.* Уроки жизни. 2-е изд. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2001. С. 71.

³ *Ховив Е.* Встретимся в Берлине // Каменный пояс : лит.-художеств. и обществ.-полит. сб. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985.

⁴ *Клайн М.* Указ. соч. С. 72.

⁵ *Павленко, Г. К., Павленко В. Д.* Хёсслер Альберт // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Испр. и доп. изд. Челябинск : Каменный пояс, 2001. С. 944.

⁶ *Клайн М.* Указ. соч. С. 72 ; *Бирнет К. Г., Краусхаар Л.* Организация Шульце-Бойзена-Харнака в антифашистской борьбе. М. : Прогресс, 1974. С. 106.

⁷ *Павленко Г. К., Павленко В. Д.* Указ. соч. С. 944.

⁸ Легенды и были восьмой больницы : факты, события, судьбы / авт.-сост. М. Ткаченко. Челябинск : АвтоГраф, 2009. С. 42.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Павленко Г. К., Павленко В. Д.* Указ. соч. С. 944.

¹² *Бирнет К. Г., Краусхаар Л.* Указ. соч. С. 107.

¹³ Brief an Klaudia (Письма к Клавдии). Бургштедт, 1976.

¹⁴ *Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г.* Германия во Второй мировой войне (1939–1945). М. : Воениздат, 1971. С. 146.

¹⁵ *Бирнет К. Г., Краусхаар Л.* Указ. соч. С. 107.

¹⁶ *Павленко Г. К., Павленко В. Д.* Указ. соч. С. 944.

¹⁷ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 20.08.1941 г. : пер. с нем. // Музей «Наследие» МАОУ «СОШ № 59 г. Челябинска».

¹⁸ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 03.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

¹⁹ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 10.01.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

²⁰ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 03.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

²¹ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 26.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

²² *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 05.01.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

²³ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 10.01.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 12.03.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 20.08.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

²⁸ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 26.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

²⁹ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 30.02.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 12.03.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

³² *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 20.08.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³³ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 26.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁴ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 02.02.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁵ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 30.02.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁶ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 12.03.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁷ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 20.08.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁸ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 03.09.1941 г. : пер. с нем. // Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 07.05.1942 г. : пер. с нем. // Там же.

⁴¹ *Хёсслер А.* Письмо К. С. Рубцовой. 20.08.1941 г. : пер. с нем. // Там же.